

На севере весна вступала в свои права неохотно, дыша колкой прохладой. Повсюду ещё лежал нарастающий зимний снег, и робкий весенний ветер, пролетая над землёй, сдувал с него мелкую ледяную пыль, что кружилась в воздухе тончайшей серебристой вуалью.

В самом сердце туманного Чанбайшаня, среди бескрайней тайги, высились вековые корейские кедры. Их могучие ветви, упиравшиеся в облака, уже подёрнулись нежной изумрудной дымкой молодой хвои. Старая зелень, густая и почти чёрная, ничуть не поблёкла за зиму, бережно храня в себе густой, дурманивший аромат смолы.

Под деревьями белели сугробы, из-под которых кое-где проглядывала бурая прошлогодняя листва. Тайга ещё дремала, ожидая по-настоящему тёплых дней, но в воздухе уже звенело неодолимое предчувствие пробуждения — стоило лишь пролиться первому весеннему дождю, как молодая жизнь хлынула бы безудержным потоком.

У подножия древнего кедра снежное покрывало казалось особенно плотным, но именно там, в глубокой тишине, зарождалась новая жизнь. На глубине нескольких десятков метров скрывалось удивительное жилище. Подземные переходы, чистые и на диво просторные, расходились во все стороны, сходясь к уютным залам, вымощенным гладким синим камнем. Кто-то проделал здесь колоссальную работу, искусно оплетая своды корнями великана-дерева, чтобы уберечь потолок от обрушения.

Среди могучих древесных корней приютилась крошечная усадьба. Построенная по всем канонам древнего зодчества, с тремя внутренними двориками, она дышала благородной стариной. Каждая черепица, каждый кирпичик здесь казались произведениями искусства. Загнутые вверх карнизы крыш украшали сияющие жемчужины ночи, заменявшие солнце, а под застрехами дремали безмолвные бронзовые колокольчики. Рядом с домом зеленели крохотные грядки — там уже пробивались первые робкие ростки невиданных трав.

Если бы случайный путник забрёл в эти глубины, он непременно замер бы в изумлении, решив, что чудом отыскал тайную обитель бессмертных.

Внутри усадьбы, за плотным пологом резной кровати из красного дерева, устроился пушистый серо-голубой комок размером с ладонь. Матушка-искательница лекарств только что произвела на свет троих малышей. В то же мгновение на поверхности земли, прямо над корнями старого кедра, закружился плавный, величественный вихрь из чистого белого снега.

Но мало кто мог разглядеть истинную природу этого явления. Снег поднялся в воздух не от ветра — его вела чистая духовная энергия. Горы и леса издревле таили в себе первозданную силу земли, и теперь, откликаясь на рождение священных зверей, духовные потоки устремились вниз, ласково окутывая новорождённых крох и наполняя их силой. Это был лучший приветственный дар самой природы.

Серо-голубой пушистый комок лениво перевернулся на мягкой постели, и в ту же секунду из-

под его тёплого брюшка высунулась крохотная, не в меру любопытная голова. Кроха унаследовал удивительную силу крови: едва родившись, он уже принял человеческий облик, что говорило о невероятной чистоте его древней родословной. Малыш был ростом меньше мизинца взрослого человека. Спелые чёрные жемчужины его глаз с восторгом разглядывали новый мир, а меж тонких бровных дуг горела яркая, как капля свежей крови, алая родинка. Округлые, пухлые щёчки так и манили ущипнуть их, а нежная кожа белизной могла поспорить с чистейшим таёжным снегом.

Малыш закопошился, забавно перебирая крохотными ручками, намереваясь выбраться наружу, но матушка ловким движением лапы водворила его обратно под бок. Почувствовав, что сорванец затих, пушистый комок с облегчением прикрыл глаза. Однако тишина длилась недолго. Не прошло и минуты, как из-под шерсти один за другим высунулись три крохотных личика. Малыши заговорщически переглянулись, тихонько пискнули друг другу и, решив, что они самые хитрые, снова поползли на свободу.

Когда беглецы почти миновали границу безопасного гнезда, серо-голубой пушистый комок сладко зевнул и приоткрыл глаза. Мягкая лапка лениво опустилась на расшитое одеяло, издав едва различимый шорох. Звук был тихим, но малыши мгновенно замерли.

— Ишь ты, козявки мелкие, куды намылились? Живо назад к матери!

Три голеньких пухлых комочка испуганно переглянулись и гурьбой припустили обратно. Они облепили матушку со всех сторон, жалобно пища и карабкаясь ей на спину в надежде смягчить родительский гнев. Пушистый комок лишь тяжело вздохнул, позволяя детям виснуть у себя на шее, но мерный стук когтя по одеялу так и не прекратился.

Самый крохотный из братьев призадумался, смешно повёл носиком и, крепче обняв матушку за тёплый загривок, спросил:

— Матушка, мы же мышки, верно? Почему тогда ты зовёшь нас зайчатами?

Стук когтя мгновенно затих. На мордочке матушки отразилось глубокое замешательство. Через мгновение на постели вспыхнул мягкий свет, и пушистый комок исчез. На его месте оказалась крошечная — размером чуть больше ладони — женщина. Она была одета в забавную стёганую телогрейку из ярко-красного ситца в весёлый цветочек, а её голову украшали две толстые косы. Но вопреки простонародному наряду, лицо её дышало невероятной, утончённой красотой: нежная кожа напоминала лепестки персика, а между тонко очерченных бровей красовалась изящная алая мушка, придававшая ей облик древней знатной дамы. При каждом её взгляде в глазах вспыхивали задорные, лукавые искорки.

Крошечная хозяйка изящно взмахнула рукавом, и перед ней из воздуха соткался маленький столик из красного дерева. В один миг на нём появились тарелочки с ароматными, тающими во рту сладостями. Достав три крохотных мягких коврика-подушечки, матушка разложила их вокруг стола и жестом велела детям сесть.

Поняв, что гроза миновала и про побег никто не вспомнит, братья послушно уселись на подушечки. Самый маленький из них упёрся пухлыми локтями в столешницу и подпёр пухлые щёчки кулачками, приготовившись слушать со всем вниманием.

На самом деле, благодаря древней памяти крови, малыши уже смутно догадывались о своей сути. Их разум пробудился ещё в утробе, и они отлично усвоили те уроки, которые матушка давала им перед рождением. Однако послушать новые рассказы они были совсем не прочь.

Матушка заговорила — на сей раз необычайно серьёзно и подробно. Глазки малышей разгорались всё ярче; в них светился чистый, искренний восторг перед огромным миром и жажда будущих странствий.

Как оказалось, племя легендарных мышей-искателей сокровищ делилось на несколько ветвей. Были среди них мыши-искатели лекарств, которые обожали лакомиться редкими духовными травами; мыши-искатели артефактов, наделённые чутьём на древнее оружие и сокровища; мыши-искатели гробниц, чей дом стоял в глубинах забытых руин; и, наконец, мыши-искатели духовных жил, способные находить самые богатые источники земной силы. Все они принадлежали к одному великому роду, но у каждого были свои таланты и свои пристрастия.

Малыши узнали, что их матушка родилась вовсе не на этой планете под названием Земля. Её родиной был далёкий Континент Созвездий — мир, где воздух был пропитан чистейшей духовной энергией, а земли населяли бесчисленные расы и древние священные звери. То был суший рай для практикующих совершенствование, волшебных зверей и редких растений. Там матушка однажды повстречала легендарную бессмертную траву Пурпурного Линчжи. Если бы у этого дивного гриба к тому времени не развился собственный разум, матушка наверняка сжевала бы его без зазрения совести. Ведь она была прирождённой искательницей лекарств. Впрочем, позже её саму прибрал к рукам их батюшка — благородный мышь-искатель гробниц, который покорила её сердце своим выдающимся кулинарным искусством.

О том, как они оказались на Земле, матушка промолчала. Лишь бросила долгий, задумчивый взгляд на самого младшего сынишку. Малыш, не заметив её грусти, ухватил со стола сладкий пирожок и изо всех сил потянулся вверх, предлагая угощение маме. В его смеющихся глазках светилась чистая, детская невинность, а алая мушка на лбу горела ярким огоньком.

Вдруг со стороны лаза донёсся тихий шорох. Братья разом повернули головы. Из темноты коридора показался мужчина в строгих угольно-чёрных одеждах древнего покроя. В отличие от деревенского наряда матушки, его длинные полы развевались с благородным изяществом. Красивое лицо незнакомца казалось высеченным из камня, взгляд был острым, как лезвие меча, а вокруг него витала едва уловимая, грозная аура вечного стража гробниц.

Однако зов крови преодолел любой страх. Малыши интуитивно почувствовали родную душу и гурьбой бросились навстречу, радостно пища:

— Батюшка! Батюшка пришёл!

Мужчина присел и широко раскрыл объятия. Его суровое лицо заметно смягчилось. Он бережно подхватил всех троих и понёс к столику. Но стоило ему бросить взгляд на супругу в ярком ватнике и с косичками, как его бровь невольно дёрнулась.

— Что за наряд? Совершенно непотребно! — проворчал он холодным тоном, в котором, однако, сквозили безграничная нежность и покорность судьбе.

Матушка ничуть не обиделась. Напротив, она весело вскочила, ухватила за кончики своих длинных кос и кокетливо покрутилась перед мужем:

— А ну, муженёк, скажи: хороша ли я в этой обновке? Глянись тебе?

Батюшка аккуратно рассадил старших сыновей по местам, а самого маленького оставил у себя на коленях. На кокетство жены он лишь сухо ответил, не поднимая глаз:

— Нелепость.

Матушка обиженно фыркнула и повернулась к детям, ищущим защиты у её очарования:

— Детки мои золотые, скажите маме: красивый у меня наряд?

— Очень красивый! — дружным хором запищали трое братьев.

Самый младший из них преданно заглянул маме в глаза и с забавным придыханием добавил:

— Наша матушка во всём краше всех!

Батюшка вздрогнул от такой речи и едва не выронил кроху из рук. Слышать, как новорождённый младенец лопочет на колоритном северо-восточном диалекте, было чрезвычайно странно.

Зато матушка так и просияла. Она перегнулась через стол, отобрала малыша и принялась неистово тереться своей щекой о его пухлую щёчку:

— Ах ты ж моё золотко! Гляньте-ка, сам всему выучился! Умница какой!

Зацеловав сынишку, она воодушевлённо объявила:

— Дорогой, а я ведь уже и имена им придумала!

У батюшки внутри похолодело от нехорошего предчувствия. И не зря. Супруга, победно улыбаясь, выдала:

— Раз уж их у нас трое, давай назовём по старшинству: Женьшень, Соболев и Олений Рог! Ну как тебе?

Мужчина онемел.

Малыш захлопал ресницами и спросил:

— Матушка, а что значат эти имена?

— Это значит, что вы для нас — самые ценные, самые дорогие сокровища на свете! — ласково пояснила она. — Нравится тебе, глупышка?

— Очень нравится! — закивал кроха с искренним обожанием.

Батюшка мысленно схватился за голову.

Разумеется, давать детям имена таёжных дикоросов и пушнины суровый отец не позволил. Проиgnорировав разочарованные вздохи жены и троих сыновей, он с мрачным видом нарёк их заново: Шу Сюнь, Шу Бао и Шу Шу. Если произнести их имена быстро одно за другим, получалось созвучие со словом «Сюньбаошу» —мышь-искатель сокровищ.

Шу Сюнь, хоть и был самым старшим братом, уродился мельче всех. Зато он единственный унаследовал матушкину алую родинку между бровей и удивительную способность налету схватывать северо-восточный диалект, за что регулярно получал от матушки порцию нежных объятий. Младшие братья быстро переняли эту привычку, да и суровый батюшка частенько не мог удержаться, чтобы не потискать старшего сына за его пухлые, как свежие булочки, щёчки.

С тихим щелчком затвора на экране новенькой камеры проявился семейный портрет. Из-за своего крошечного роста Шу Сюнь восседал в самом центре, бережно прижатый младшими братьями с обеих сторон. Позади высились родители. Всё семейство облачилось в изящные старинные наряды, и в тёплом сиянии жемчужин они казались прекрасными фарфоровыми куклами, сошедшими со страниц волшебной сказки.